

УДК 332.05, 332.1

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ ТЕНЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НА ЭКОНОМИКУ РЕГИОНА

Реутов В. Е., Кифяк А. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: reutov@ie.u.cfu.ru

В статье выявлены и структурированы факторы, влияющие на динамические тенденции в теневой экономике Республики Крым. Проведена градация структуры факторных групп и оценка степени их влияния на перспективы масштабов теневой составляющей экономики региона. Представлена авторская позиция на трактовку генезиса восприятия теневых аспектов ведения бизнеса. Сопоставлены базовые причины факторного воздействия на характер доминирующих трендов в теневых хозяйственных операциях на территории Крыма. На основе проведенных расчетов проведена сравнительная оценка альтернативных сценариев стратегий противодействия теневой составляющей экономики региона.

Ключевые слова: теневая экономика, факторное влияние, динамические и структурные тренды, моделирование прогнозных тенденций, стратегии противодействия теневой экономике

ВВЕДЕНИЕ

Первичной проблемой исследования теневых экономических процессов в экономике региона является, на наш взгляд, укоренившийся “терминологический плюрализм” в трактовке самого объекта исследований. Среди наиболее часто используемых (не только в СМИ, но и в научной литературе) терминологических конструкций следует отметить следующие: неофициальная; неформальная; скрытая; криминальная; черная; серая; вторая; запрещенная и некоторые иные. Указанная терминологическая неряdochоложенность свойственна и зарубежным школам, где количество терминов-синонимов еще больше (shadow, illicit, black, informal, unofficial, illegal, dark, irregular, criminal, second, unofficial) [1, с. 71].

Системный анализ данного сложного и многопланового экономического явления усложняется и разнообразием самих методологических подходов к рассмотрению теневых экономических отношений со стороны различных авторов и институций. “Теневая экономика рассматривается и как состояние экономических отношений, и как совокупность условий и факторов, обеспечивающих ее функционирование в обществе, и как деятельность хозяйствующих субъектов” [2, с. 42].

В рамках настоящего исследования мы использовали определение теневой экономики (ТЭ), предложенное С. Барсуковой и В. Радаевым (определяющим ее как “включающий в себя предприятия, сознательно скрывающие свои доходы для того, чтобы уменьшить свою налоговую базу (что влечет за собой отказ от регистрации предприятия или отдельных частей его предпринимательской деятельности), с использованием рабочей силы без формальных контрактов и двойной бухгалтерский учет” [3, с. 4]), дополненное трактовкой Дж. Бекерта и Ф. Вехингера (указавшими на то, что ТЭ включает в себя и часть, “ассоциируемую с нелегальной деятельностью на рынках и представляющую собой производство товаров и предоставление услуг,

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ ТЕНЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НА ЭКОНОМИКУ...

запрещенных законодательством (производство наркосодержащих препаратов, проституция и т.д.)” [4, с. 2].

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Попытки разработки и реализации экономической политики в регионе без учета масштабов и вектора развития теневой составляющей способны не только снизить эффективность мер воздействия государственных институций, но и полностью нейтрализовать многолетние позитивные стремления по развитию территории Крыма. Именно эта рабочая гипотеза, на наш взгляд, позволяет оправданно детализировать анализ базовых причин генезиса теневой составляющей экономики региона. И если сугубо криминальные аспекты ведения хозяйственной деятельности в Республике Крым и материальный ущерб от них уже рассматривались авторами [22; 23], то остальные сектора теневой экономики (как и теневая экономика региона в целом) оставались вне поля нашего изучения. При этом следует четко позиционировать группы причин формирования теневого сектора экономики региона на “обще-типовые” и “специфические”.

По мнению А.К. Худайназарова к наиболее типовым причинам теневизации экономики оправданно относить: “размер налогов и социальных отчислений, качество государственных институтов, коррумпированность государственного аппарата, интенсивность мер государственного регулирования, интенсивность сдерживания теневой экономической деятельности (санкции, штрафы и наказания), состояние социально-экономического развития, уровень самозанятости и налоговую мораль” [5]. Согласно результатам исследования причин ухода малого бизнеса в тень в России (проведенного Н.В. Артемьевым и Ю.В. Латовым), “от 20 до 65 % опрошенных предпринимателей вынужденно вовлечены в теневые схемы для сохранения возможности ведения своего бизнеса, а долю акторов малого бизнеса, активно вовлеченных в коррупционные отношения, можно оценить в 35 %” [6, с. 69]. С учетом итогов исследования В. Жукаускаса, все факторы, формирующие структуру теневых процессов в экономике, допустимо свести к шести основным группам (таблица 1), однако, применительно к конкретной территории, вариативность влияния каждой группы факторов оправданно считать вариативной.

Таблица 1.

Основные группы факторов, влияющих на теневую экономику

Группа факторов	Диапазон степени влияния, %
Социальные отчисления и налоговые ставки	35-38
Качество работы государственных учреждений	10-12
Действенность системы социального обеспечения	5-7
Регулирование рынка труда	7-9
Доля коммунальных услуг в структуре расходов	5-7
Налоговый нигилизм	22-25
Суммарное влияние	84-98

Источник: составлено авторами по материалам исследования В. Жукаускаса [7, с. 142]

“Невозможность выжить в одиночку при одновременной невозможности получить действенную помощь государства сформировали устойчивую

мировоззренческую основу особой хозяйственной практики, которая создавала основу для развития неформальной экономики” [11, с. 58], при которой игнорирование законодательства уже не возводится в ранг этического преступления. Как и любая “трансформация сверху”, деятельность властных институтов на территории “выступает не как субъект институализации уже существующих практик (что демонстрируют общества устойчивого развития), а как создатель иных, новых форм общественного устройства” [11, с. 59].

Так как экономические агенты не только могут нарушать правовые нормы, но, зачастую, еще и стремятся не отчитываться о своей реальной деятельности в полном объеме, опора в оценке теневой экономике исключительно на данные официальной статистической платформы (включающей показатели, публикуемые Росстатом, федеральными и региональными министерствами, ведомствами и департаментами) не позволяет составить валидное мнение о фактическом состоянии дел. Попытки трансформаций экономической политики, опираясь лишь на данные, не учитывающие неформального сектора и его динамических трендов, априори обречены или на низкую эффективность, или на избыточную затратность, или (что еще более вероятно), - обречены на провал. И, хотя, на наш взгляд, характер законов и подзаконных актов безусловно влияет на динамические тренды неформального сектора, однако не способен трансформировать сами структурные основы его развития на конкретной территории.

Именно поэтому, для оценки степени влияния внешних импульсов на теневую экономику территории нами были опрошены владельцы и руководители крымских предприятий, представляющие сферы: строительства, торговли, туристической сферы, транспорта, и гостиничного хозяйства. Каждому из них было предложено указать основные факторы, которые, на их взгляд, оказывают наиболее значимое влияние на динамику теневых процессов. По полученным опросным листам были выявлены наиболее часто совпадающие у “экспертов” факторы и (в форме сводного перечня) предложены респондентам для структурной оценки.

Полагаем необходимым акцентировать внимание на том значимом обстоятельстве, что выборка респондентов была случайной (и основывалась на принципе согласия участвовать в экспертной оценке на условиях анонимности), а не комплексно-репрезентативной по крымскому бизнесу в целом, однако дает значимый информационный материал для анализа сложившихся и формирующихся трендов как в самой теневой составляющей, так и при рассмотрении ее влияния на экономику региона в целом.

Полученные (с использованием метода парных сравнений [8, с. 27-30]) результаты позволили составить сводную матрицу иерархической значимости каждого фактора (таблица 2).

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ ТЕНЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НА ЭКОНОМИКУ...

Таблица 2

Иерархии структурного влияния факторов на динамические тенденции в теневой экономике Крыма

Номер фактора	Факторы	Характеристики влияния фактора		
		Вес значимости фактора	Долевое влияние фактора, %	Приоритет влияния фактора
1	доля социальных трансфертов в совокупных располагаемых доходах населения	0,569	1,11	минимальный
2	рост налоговой нагрузки на субъекты хозяйствования различных организационно-правовых форм	1,015	1,97	малый
3	рост сумм неофициальных платежей для беспрепятственного ведения бизнеса	1,349	2,62	малый
4	падение покупательской способности значительной части населения	4,709	9,16	высший
5	финансовые санкции по отношению к банковской системе Крыма	0,352	0,68	минимальный
6	олигополистический характер оптовых логистических цепочек	2,370	4,61	большой
7	ротации в аппаратах госструктур исполнительной власти на территории	0,969	1,89	малый
8	режим наибольшего благоприятствования для прихода в регион конкретных предпринимательских структур	0,732	1,42	минимальный
9	интернирование в хозяйственную жизнь новых форм ведения бизнеса с использованием ИТКТ	0,801	1,56	малый
10	вынужденное изменение теневых схем ведения бизнеса из-за ограничений в связи с пандемией	1,065	2,07	малый
11	рост сумм расчетов наличными в регионе	0,409	0,80	минимальный
12	преимущественно сезонный характер формирования ВРП	1,094	2,13	малый
13	клановый характер распределения ресурсов финансовых программ развития территории	4,925	9,58	высший
14	растущая бюрократизация административных процедур	0,492	0,96	минимальный
15	санкционные ограничения для крымских предпринимателей и иностранных субъектов хозяйствования	1,765	3,43	значимый
16	правовой вакуум крымских портов и пограничных переходов в международном правовом поле	0,770	1,50	малый
17	системный рост себестоимости продукции из-за удорожания применяемых логистических цепочек	1,386	2,70	малый
18	ограничения и запреты на применение части ИТКТ для ведения бизнеса на территории	0,263	0,51	минимальный
19	миграционный отток квалифицированных кадров и молодежи	0,431	0,84	минимальный
20	автономность государственных деятелей верхних должностей региона в обмен на политическую сверхлояльность	3,363	6,54	высокий
21	сложившийся трудовой менталитет	0,358	0,71	минимальный
22	коррупционный характер реальной доступности для участия в финансируемых госпрограммах	4,508	8,77	высший
23	фактическое отсутствие обоснованной стратегической программы развития Крыма	1,808	3,52	значимый
24	доля теневой занятости населения трудоспособного возраста	5,060	9,85	высший
25	нрезмерная дифференциация населения территории по доходам	0,572	1,11	минимальный
26	декларативный характер официальных статистических данных о развитии территории и уровне жизни населения	0,246	0,48	минимальный
27	перераспределение влияния национальных диаспор на экономику региона	0,381	0,74	минимальный
28	когортные изменения в структуре потребления населения	0,161	0,31	минимальный
29	дотационный характер формирования бюджета территории	1,289	2,51	малый
30	доля пресеченных правоохранительными органами теневых схем	0,523	1,02	минимальный
31	доля реальных сделок, не отражаемая в официальных контрактах	2,274	4,42	большой
32	трансформация отношения населения к государственным институтам	0,543	1,06	минимальный
33	доля не отраженных в налоговом учете операций субъектов хозяйствования	2,133	4,15	большой
34	ценностная приемлемость теневых экономических отношений	0,465	0,91	минимальный
35	правовой нигилизм экономических агентов	2,243	4,36	большой

Источник: рассчитано авторами по итогам экспертных оценок

Считаем необходимым отметить, что полученный набор наиболее значимых факторов, формирующих динамические тенденции развития теневой экономики в Крыму, обладает рядом специфических характеристик и позволяет проводить пилотную оценку вероятий эффективности политике минимизации влияния теневой составляющей. Более комплексная и репрезентативная выборка респондентов, возможно, позволит не только расширить перечень анализируемых факторов влияния и составить детализированную модель их взаимосвязей, однако, на момент данного исследования, затруднительна в аспектах обеспечения корректной валидности из-за незавершенности критериальной модели оценки.

Согласно разделяемой нами трактовки С.Ю. Барсуковой, «Власть — то благо, без которого развитие крупного бизнеса едва ли возможно, а поскольку власть покупается исключительно в теневом формате, то крупный бизнес обречен на теневое аккумулятивное средств» [12, с. 47]. Трактовка власти и богатства в роли источников капиталов априори предопределяет поиск каналов их взаимной конвертации. Однако логика этой «эволюции» будет заключаться в преобразовании частного вымогательства конкретных чиновников в формирование сколь-либо структурированной модели властно-экономической вертикали, в которую (после ее институционализации) и будет вынужден встраиваться мелкий и средний бизнес. После формализации неформальных институтов хозяйствования «Власть начинает обслуживать интересы подконтрольного себе бизнеса, обрекая «чужой» на поражение. Провозглашенный ею контроль над «стратегическими отраслями» означает, что политическое влияние как ресурс конкурентной борьбы остается только у избранных властью (порой помимо их воли) экономических агентов» [12, с. 55].

Вероятно, именно этим и объясняется высокая значимость 20-го фактора, занимающего промежуточное положение между четырьмя наиболее значимыми и всеми остальными. При этом «максимизация» влияния 13-го и 22-го факторов обеспечивается, гарантируется и подпитывается именно 20-ым, а «высшее» влияние 4-го и 22-го факторов представляет, на наш взгляд, лишь «констатационный» и «компенсационный» механизмы ответной реакции со стороны домохозяйств на развитие данной тенденции. Существенное расхождение между официально регистрируемой и фактической экономической активностью населения является «уже не просто творческой реакцией народа на неспособность государства удовлетворять основные потребности обнищавших масс» [9].

Следующим этапом «эволюции» данного процесса допустимо считать объяснимое стремление к самосохранению власти, прежнего формата коррупционных неформальных контрактов для которого становится уже недостаточно. При реализации данного стремления речь может идти лишь об одном «альтернативном пути»: законсервировать политическую элиту нового созыва и не допустить в нее «варягов». Итоги таких «эволюционных преобразований» показательно охарактеризовала в своем исследовании С.Ю. Барсукова, выявившая причинно-следственную связь претензий власти контролировать финансовые потоки крупных экономических агентов и формирование зависимости юридически свободного бизнеса от ее расположения: «Для этого необходимо дать бизнесу увязнуть в «тени», а затем продемонстрировать решимость борьбы с «теневиками».

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ ТЕНЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НА ЭКОНОМИКУ...

И тогда «политические инвестиции» гарантированы, правда, вынужденного характера» [12, с. 47].

Так как государство уже не является единственным институтом, способным мобилизовать экономические ресурсы и «изначально противостоит русскому человеку как нечто враждебное, и на него, как на врага, не распространяются моральные запреты: его можно обманывать, у него можно красть, обещания, данные государству, можно не выполнять» [10, с. 74]. При такой ценностной установке значительной части крымского социума вполне обоснованным допустимо считать и тот факт, что «умеренно-безразличное» отношение к требованиям законов и подзаконных актов распространяется и на требования государственных чиновников. В сознании людей государство де-факто уподобляется ненадежному партнеру, чьи «действия непредсказуемы, лишены ясной логики. С этим, видимо, связано стремление россиян быть независимыми от государства, уйти в неформальную экономику» [11, с. 59]. Печальный факт: «в силу некомфортности институциональной среды для проявления хозяйственной инициативы, уход индивида в поле неформальной экономики никого не удивляет» [11, с. 60].

Большое влияние факторов 6, 31, 35 и 33 (в порядке убывания) характеризует, на наш взгляд, именно попытки мелкого и среднего бизнеса сохранить максимально возможную для них автономию. Парадоксально, но «консервация» действия и степени влияния 15-го и 23-го факторов устраивает и бизнес, и власть, так как не требует коренного пересмотра «правил игры». В условиях VUCA-мира «фиксация административных платежей» становится «островком стабильности».

Фактическое отсутствие понимания о месте и роли экономики региона в общероссийских тенденциях, сохраняющиеся санкции и непризнание территории в статусе региона страны, а также укоренение в реальной практике хозяйствования доминанты коррупционной олигополии уже привели к ситуации «растаскивания» отраслевых и/или территориальных сегментов экономики Крыма между клановыми группировками. Реальная экономическая «стратегия» развития Крыма, на наш взгляд, практически сведена к «заливанию» деньгами федерального центра множущихся и бесконечно возрастающих в цене инфраструктурных прожектов и «затыканию дыр», возникающих из-за проблем (с водоснабжением, устойчивостью качественной связи, ростом наркомании и онкологических заболеваний, экологическими и климатическими ЧП и иными итогами активной реализации своих финансовых интересов конкретными должностными лицами региона).

В условиях, когда государственные институции не осведомлены о настроениях и планах бизнеса, а представители бизнес-сообщества не имеют представления о предстоящих действиях государства, уход легального бизнеса в «тень» становится лишь вопросом времени и/или действенности «остаточного» эффекта моральных пределов допустимого поведения стейкхолдеров. В управляемом росте теневой составляющей экономики страны оказывается заинтересованным лишь коррумпированный бюрократический аппарат государственных чиновников и представители бизнеса, обеспечивающих свое финансовое благополучие на взаимодействии друг с другом в ущерб долговременным интересам социума и государства.

Именно в их среде будет формироваться модель “противодействия” теневым аспектам деятельности субъектов хозяйствования, в реальности направленная на построение жесткой системы адсорбации большей части финансовой выгоды от реализации теневых схем и управлении ими. Все субъекты, не включенные в построенную вертикаль, будут обязательно становиться объектом целевого воздействия со стороны правоохранительных “ресурсов” данной системы. При этом, в рамках конкретной территории, будет формироваться “олигополистическая” модель из нескольких подобных структур, не столько противоборствующих между собой, сколько концентрирующих свои усилия на противодействии любым “новичкам” и “неудобным”.

Проблема противодействия теневой экономике решается, как правило, на основе создания действенной системы регулирующего воздействия со стороны государства. В наиболее упрощенной трактовке, к таким стратегиям относят радикально-либеральную и репрессивную альтернативы. Репрессивная стратегия предполагает: “расширение и усиление деятельности правоохранительных органов на основе применения многообразия репрессивных мер по борьбе с любыми проявлениями теневой экономики” [13]. Радикально-либеральная стратегия “основывается на применении системы политических, социально-экономических и правовых мер, направленных на крупномасштабную легализацию теневой экономической деятельности, не связанной с криминальным бизнесом” [14].

В реальной экономической ситуации Крыма, на наш взгляд, ни одна из указанных альтернатив не может быть реализована, так как не будут учтены все реалии и особенности уже сложившейся и реализующейся модели теневых экономических отношений. Избыточное количество факторных зависимостей делает невозможным выбор при двойственной альтернативе (между реально востребованной стратегией противодействия ТЭ и той стратегией, которая наиболее приемлема для лиц, принимающих решение). Налицо конфликт экономических интересов стейкхолдеров, ведущий (как правило) к попыткам сохранения условного равновесия и/или баланса не противодействия друг другу.

В рамках такой стартовой позиции (и при условии реальной заинтересованности в коренных преобразованиях) необходимо или системное и последовательное элиминирование всех факторов, значимо не влияющих на динамику теневой экономики территории (однако, как уже отмечалось ранее, у государственной власти в Крыму на это нет желания), или принятие управленческого решения по выбору и немедленной реализации оптимальной стратегии противодействия росту теневой экономики, исходя из имеющихся приоритетных альтернатив (таблица 3), опираясь на “инициацию” со стороны федерального центра. Иные варианты представляются нам малореальными к реализации.

Для оценки потенциального приоритета (для каждой из указанных альтернативных стратегий), и на основе мнения респондентов (выступавших в роли экспертов при оценке степени влияния факторов на динамику ТЭ), нами были рассчитаны веса соответствующего фактора, однако, для большей контрастности выбора из возможных альтернатив, мы провели секвестр факторов (удалив из расчетов все те, степень влияния которых составляет менее 3 %). Конечная оценка

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ ТЕНЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НА ЭКОНОМИКУ...

приоритетности конкретной политики, рассчитывалась суммированием произведений (веса фактора на значение его приоритетности по конкретной стратегии). Итоговое значение альтернативных стратегий составило: легализация – 15,549; детеневизация – 12,299; деактивизация – 21,450; декриминализация – 15,173 и сохранение статус-кво – 19,189.

Таблица 3

Стратегические приоритеты в отношении теневой экономики в Крыму

Приоритет	Характеристики приоритета	
	Ожидаемый эффект	Цель
Легализация	Сокращение количества хозяйствующих субъектов, находящихся в теневом секторе	Сокращение административных барьеров и законодательных ограничений
Детеневизация	Повышение прозрачности и контролируемости экономических отношений	Снижение степени искажения информации о состоянии экономической системы
Деактивизация	Снижение экономической активности субъектов теневой экономики	Повышение конкурентных преимуществ субъектов легального сектора
Декриминализация	Ликвидация криминальной составляющей теневой экономики	Снижение общественной опасности теневой экономики
Статус-кво	Снижение противодействия реализуемым программам развития	Минимизация степени влияния теневого сектора на экономическую жизнь

Источник: составлено авторами с учетом подходов: [15] и [14]

По итогам расчетов допустимо констатировать явное противоречие: наиболее перспективной для государства и общества (и, зачастую, одобряемой представителями бизнеса) является стратегия деактивизации теневых экономических явлений, однако уже сформировавшаяся в регионе модель бизнес-среды противоречит (и будет противодействовать) ее реализации. Отсутствие четко обозначенных экономических перспектив территории и реальный рост ее международной изоляции провоцируют не только бегство теневых капиталов, но и формируют хищнический характер теневых операций (ориентированных на достижение максимального сиюминутного эффекта). Правоохранительные органы, призванные противодействовать криминальной составляющей теневой экономики, априори не способны переломить ситуацию и предотвратить восходящий динамический тренд в теневой составляющей экономики Крыма. “Уровень реальной преступности примерно в 8 раз превышает регистрируемые правоохранительными органами показатели” [19].

Оптимизм утверждений о том, что “достаточно устранить неоправданные ограничения, и соответствующая часть экономики заработает на благо всего общества” [16], на наш взгляд, иллюзорен. Очевидность декларативного характера попыток “снизить административные издержки бизнеса”, подтверждается динамическими трендами проверочных мероприятий: “именно в 2019 г. впервые за

пять лет количество проверок выросло в отдельных регионах страны более, чем на 20%. В 2020 г. количество проведенных плановых и внеплановых проверок упало по сравнению с 2019 г. почти в 3,5 раза” [17], однако вопреки заявленному мораторию на проведение проверок малого и среднего бизнеса (с 1 апреля по 31 декабря 2020 г., который был продлен до конца 2021 года), доля подобных компаний среди всех проверенных организаций остается стабильно высокой на протяжении нескольких лет. “В 2020 г. не менее 25% всех планово проверенных организаций были представителями малого и среднего предпринимательства, тогда как для внеплановых проверок эта доля составила более 50% всех внеплановых от всех по стране” [17]. Применительно к Крыму нами были выявлены и еще две специфических черты:

- подушевое количество плановых и внеплановых проверок на 10 тыс. зарегистрированных организаций не превышает 10 для Ростехнадзора и Ространснадзора, 50 для Россельхознадзора, 100 для Роспотребнадзора, 150 для МЧС, минимален (до 10) для Росприроднадзора, Росздравнадзора (до 5) и МВД (до 5), зато достигает максимума в сравнении с уровнем по стране в целом (более 30) для Росреестра;

- из 57,6% зарегистрированных в 2020 году ИП и 34,5% коммерческих предприятий 16,3% и 40,4% (соответственно) были подвержены проверке.

Допустим вывод о том, что контрольно-надзорные органы акцентируют свое внимание в регионе на сделках с недвижимостью, минимизируя свое внимание на медицинской сфере, природопользовании и охране окружающей среды. И это, - на фоне “37,5% не соответствия санитарно-эпидемиологическим требованиям общего количества источников водоснабжения” [18, с. 9], ситуации, когда “некачественной питьевой водой в Республике Крым обеспечено 463854 человека, что составляет 24,3 % от общей численности населения в субъекте” [18, с. 11]. Пробы почвы на соответствие санитарно-химическим показателям “зафиксировали 13,71% случаев отклонения от норм и загрязнения почвы бензпиреном и солями тяжелых металлов (цинк, свинец)” [18, с. 34], Проверки “на 328 обследованных пищевых объектах контроля выявили нарушения санитарного законодательства на 56,5% из них” [18, с. 101]. Среди причин смертности населения Республики Крым “на первом месте (с приростом в 4,9%) находятся болезни системы кровообращения; на втором (с отрицательной динамикой в 5,8%), - новообразования; на третьем, - смертность от воздействий внешней среды (с отрицательной динамикой в 9,5%)” [18, с. 124].

ВЫВОДЫ

Реализация социального заказа на позитив, корректировками оптимистической статистики уже не работает. “Среднесписочная численность работников без внешних совместителей по полному кругу организаций за май 2020 г. по Республике Крым составила 409,2 тыс. человек, а численность безработных составила 34836 человек” [20, с. 67]. И это, - при “населении трудоспособного возраста в количестве 1 036,4 тыс. человек” [21]. В условиях падения своего платежеспособного спроса население

становится вынужденно заинтересованным в работе вне легальных секторов экономики, так как получает реальные и не облагаемые налогами суммы доходов.

Практически сложившийся на территории прообраз финансово-политических групп будет стремиться к укреплению и защите своего статуса, основываясь на демонстративной поддержке политики федерального центра и усилении требований к крупному бизнесу на территории. Сколь-либо значимая конкуренция между самими ФПП в ближайшие годы маловероятна. Для предотвращения необходимости менять сложившийся порядок вещей и применительно к любым несанкционированным проникновениям в регион новых крупных игроков рынка будут активно использоваться правоохранительные и контрольно-надзорные органы.

Мелкий бизнес и самозанятые будут “принудительно легализовываться” и “системно контролироваться” для обеспечения источника финансовых поступлений чиновникам низового уровня. Средний бизнес будет пытаться сохранить независимое положение в бизнес-среде региона, однако возрастающее административное давление приведет или к его дроблению и массовому уходу в тень или переведет в статус с новыми владельцами. Стремление к легализации своей деятельности у субъектов хозяйствования будет минимальным, так как в сложившихся условиях “выгоды от нарушений” продолжают превышать “потери при наказании”.

Следует ожидать продолжения деформализации формальных институтов и формализации неформальных, так как первое направление противоречит экономическим интересам субъектов хозяйствования, а второе, - является основой стабилизации и предсказуемости ведения бизнеса. Допустимо также утверждение о вероятном расширении реципрокной и криминальной составляющих теневой экономики территории в качестве компенсационных механизмов противодействия бизнес-среды экономической политике государственных институций.

Список литературы

1. Зиновьев И.Ф., Зиновьев Ф.В., Ярош О.Б. Теневая экономика: диалектика теоретических концепций и оценка реальных масштабов // Успехи современной науки и образования. Том 3. № 2, 2017. – С. 71-74. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28401820>
2. Развитие торговли и торговой политики в Республике Крым в условиях трансформации хозяйственных связей / под ред. В.Е. Реутова, О.Б. Ярош. - Симферополь: ИП Бровко А.А., 2017. 300 с.
3. Barsukova S., Radaev V. Informal Economy in Russia: A Brief Overview // Economic sociology. - 2012. Vol. 13. № 2. PP. 4-12. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/70677537>
4. Beckert J., Wehinger F. In the Shadow: Illegal Markets and Economic Sociology // MPIfG Discussion Paper 11/9 Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung, Köln Max Planck Institute for the Study of Societies, Cologne, June 2011. 27 p. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mpifg.de/pu/mpifg_dp/dp11-9.pdf
5. Худайназаров А.К. Определение, виды и основные факторы теневой экономической деятельности: обобщение на основе обзора исследований // Теневая экономика. 2019. Том 3. № 4. С. 213–224. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43931441>
6. Артемьев Н.В., Латов Ю.В. Институционально-экономические причины “теневизации” малого бизнеса России // TERRA ECONOMICUS. 2015. Т. 13. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/08/1251195556/journal13.1-5.pdf>

7. Žukauskas V. Strategies for Combating the Shadow Economy. *Unraveling Shadow Economy // 4LIBERTY.EU REVIEW*. 2015. № 3. P. 140-151. [Электронный ресурс]. URL: <http://4liberty.eu/wp-content/uploads/2015/12/4liberty.eu-Review-3-Unraveling-Shadow-Economy.pdf>
8. Саати Т. Принятие решений: метод анализа иерархий. М.: Радио и связь, 1993. 278 с. [Электронный ресурс]. URL: http://bsuir-helper.ru/sites/default/files/2011/03/11/met/Tomas_Saati_-_Prinyatie_Resheii_Metody_analiza_ierarhii.1993.pdf
9. Де Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире // *Catallaxy*. 1995. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/de_soto_ernando/inoy_put_nevidimaya_revoljutsiya_v_tretem_mire.html#0
10. Касьянова К. О русском национальном характере. Москва: Акад. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003 [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002348554>
11. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика и система ценностей россиян // *Социологические исследования*. 2001. № 1. С. 57-62. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/01-2001/Barsukova.pdf>
12. Барсукова С.Ю. Теневые правила взаимоотношений политиков и предпринимателей // *Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований)*. 2011. Том 3. № 3. С. 40-56. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16894508>
13. Моляренко О. Теневое управление помогает развитию регионов // Семинар Научно-учебной группы “Управление по результатам 2.0” Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” на тему: “Становление системы органов статистики в России и неформальные нормы в системе государственного и муниципального управления”, 15 декабря 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://iq.hse.ru/news/177663929.html>
14. Новенькова А.З., Сабирова М.Е. Повышение качества публичных услуг как инструмент снижения доли теневое сектора в региональной экономике // Доклад на 48 Международном конгрессе городских и региональных планировщиков ISOCARP “Fast Forward: Динамичное планирование в меняющемся мире городов”. Пермь. Казанский федеральный университет, 2012. [Электронный ресурс]. URL: kpfu.ru/staff_files/F2048979517/Novenkova_Sabirova.doc
15. Рзаев И.М. Деятельность органов внутренних дел по противодействию теневым явлениям в природно-ресурсном комплексе СЗФО России // *Российское предпринимательство*. 2013. № 20 (242) С. 114-131.
16. Путилов П.Д. Теневая экономика как объект исследования. Белгород: Белгородский юридический институт, 2008. [Электронный ресурс]. URL: http://www.0ck.ru/ekonomika_i_ekonomicheskaya_teoriya/tenevaya_ekonomika_2.html
17. Кучаков Р., Кузнецова Д., Скугаревский Д. Контроль и надзор в 2020 г.: жизнь без проверок в период пандемии // Аналитический обзор материалов исследования практики контрольно-надзорной деятельности в РФ. Санкт-Петербург: Институт проблем правоприменения при Европейском университете, 2020. (Аналитические обзоры по проблемам правоприменения; вып. № 5 (2020)). [Электронный ресурс]. URL: <http://inspections.enforce.spb.ru/>
18. Государственный доклад “О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе в 2020 году” / Межрегиональное управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека в Республике Крым и городу федерального значения Севастополю. Симферополь, 2021. 356 с.
19. Титаев К., Кудрявцев В. Петербург вернул звание криминальной столицы // Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 24.06.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://enforce.spb.ru/chronicle/comments-in-the-media/7507-kirill-titaev-i-vladimir-kudryavtsev-rbk-peterburg-vernul-zvanie-kriminalnoj-stolitsy>
20. Социально-экономическое положение Республике Крым в январе-июне 2020 года // Аналитический доклад управления Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. Симферополь: Крымстат. 2020. 79 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/OQJnWkVn/+06.20.%20САЙТ%20доклад%20РК%20в%20январе-июне%202020г.pdf>

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ ТЕНЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НА ЭКОНОМИКУ...

21. О демографической ситуации в Республике Крым за 2020 год // Рынок труда и занятость населения. Минтруд Республики Крым. 2021. 6 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://crimea.gks.ru/folder/27542>

22. Зиновьев И., Реутов В.Е. Материальный ущерб от преступлений экономической направленности в Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2020. Том 6. № 3. С. 68-77. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44648561>

23. Реутов В.Е., Зиновьев И.Ф., Кифяк А.В. Экономическая преступность как деструктивный фактор влияния на развитие Крымского федерального округа // Право и современные государства. 2016. № 3. С. 50-68. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27521351>

Статья поступила в редакцию 30.09.2021